

почувствовать необходимость объединения всей страны. К тому же понятие единой Италии — в известной степени абстрактное — он воспринял у античных писателей. Петрарка не представлял себе ясно, какой должна стать форма правления объединенной страны и, тем более, каким путем можно создать единое государство. Он возлагает свои надежды на вождя вспыхнувшего в Риме в 1347 г. восстания Кола ди Риенцо, который возвестил об образовании Римской республики. Однако после поражения этого восстания Петрарка утратил веру в возможность воссоздания в Италии республиканской формы правления. Он начинает уповать на то, что в Италии будет основана монархия, которая «наилучшим образом пригодна для объединения и восстановления сил итальянцев». Временами он видит выход в создании мировой империи, хотя этот идеал и ранее был иллюзорным. Наступление мира он связывал и с возвращением папы из Авиньона в Рим, но его призывы папам оставались тщетными. Планы Петрарки были утопичны: в это время не существовало реальных условий для объединения страны.

Петрарка оказал огромное влияние на современников и последующие поколения гуманистов. Он сам ясно осознавал свою роль в истории культуры. Незадолго до смерти он говорил: «Я не отрицаю... что мои занятия, коими пренебрегали на протяжении многих веков, разбудили многие умы в Италии, а может быть, и далеко за ее пределами». Секрет его воздействия заключался в том, что Петрарка наиболее полно воплотил в себе, своем творчестве духовные искания, помыслы и стремления людей, принадлежавших к эпохе зарождавшегося гуманизма. В его произведениях содержались в неразвернутом виде все те идеи, которые его преемники развили и превратили в стройную систему.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Петрарка Франческо. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1974.

Петрарка Франческо. Книга песен. М., 1963; его же. Лирика. М., 1980 и другие издания сонетов.

Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты. М., 1982.

Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979.

Бибихин В. В. Слово Петрарки // Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 7—37.

Девятайкина Н. И. Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.

История всемирной литературы. В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 68—77.

Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М., 1974.

Одной из самых блестящих эпох в истории европейской культуры являлось Возрождение (франц. — Ренессанс). Ранее всего — в 30-х годах XIV в. Возрождение началось в Италии и длилось здесь по конец XVI в. Именно в городах Средней и Северной Италии сложилось то благоприятное сочетание взаимодействовавших между собой экономических, социальных, политических, религиозных, демографических, психологических и других факторов, которые породили этот удивительный феномен.

Многочисленные цветущие города этой части Италии, опередившей другие страны Европы, издавна являлись центрами транзитной торговли между Западом и Востоком. Они отличались также очень высоким уровнем развития банковского дела и ремесленного производства. Появление во Флоренции и некоторых других городах в XIV в. капиталистической мануфактуры, а следовательно — ранней буржуазии имело не только самостоятельное значение для рождения новой культуры, но и, прежде всего, являлось *показателем* этого общего для всего региона высокого уровня экономического и социального развития. Нередко одни и те же дельцы, действовавшие в одиночку или в качестве членов компаний, одновременно занимались торговлей, промышленностью и банковскими операциями. Многие из них сами принимали участие в далеких путешествиях на Восток, привозя оттуда пряности, ювелирные изделия, шелковые ткани и другие предметы роскоши. Они подвергались во время путешествия бесчисленным опасностям, но и приобретали возможность быстро разбогатеть. Точно так же деловые люди, предоставляя займы европейским королям, церкви, магнатам, рыцарям, горожанам, получали баснословные прибыли, но и рисковали немало, т. к. их влиятельные должники подчас отказывались вносить платежи по займам.

В городах издавна стихийно складывался особый психологический климат. Формирование людей нового типа приходится в основном на бурное XIV столетие.

Главным мерилом престижа и статуса человека в обществе становится богатство. Сковывавшие (но и защищавшие) человека сословные и корпоративные связи рушатся, оставляя его одиноким во враждебном ему мире. В обстановке острого соперничества с другими купцами и предпринимателями он может добиться успеха только благодаря своим личностным качествам: смелости и осторожности, деловой хватке и расчетливости, разносторонним знаниям и широкому кругозору, гибкости и умению быть дипломатом. «В грустном мире, где мы живем, — с горечью пишет в 1400 г. флорентийский нотариус, — девятьсот из тысячи живут как бараны, пригнув голову к земле... Каждый зол, жаден, нечестив, высокомерен, завистлив, любит только себя, а если и высказывает любовь к другому, то по способу купцов: «дай мне, и я тебе дам». В этих людях нестигаемая воля нередко

сочетается с неразборчивостью в средствах. Отсюда и советы, которые состоятельные купцы дают в своих записках и воспоминаниях сыновьям: «не доверяй кому бы то ни было — своему слуге, любой женщине или мужчине, которые находятся в твоём доме, будь то родственник или чужой».

Жизненная практика основной экономически и политически активной массы населения городов — богатых и средних пополанов (от слова *popolo* — народ) — купцов, предпринимателей, банкиров, ремесленников и торговцев среднего достатка вступает в непримиримое противоречие со средневековым мироотношением. Пополаны окончательно порывают с идеалом аскетизма, ими овладевает жажда роскоши. «Непрестанно прилагай всяческие старания и стремись к наживе», — поучает флорентийский купец XIV в. Горожанин должен быть всегда готов сразиться с неблагоприятной фортуной (судьбой). Богатый флорентиец пишет: «Отважные люди не позволяют фортуне одолеть себя, но, побеждая ее, еще более увеличивают свое совершенство».

Темп жизни ускоряется, и резко меняется сама оценка времени. В средние века более всего почиталось время, посвященное молитвам и размышлениям о боге. Теперь же отношение к нему деловых людей можно определить словами одного из них: «Время — дорого стоящая вещь для купцов». Итальянскому пополану внушают уважение те, кто добился высокого социального престижа и накопил богатство благодаря личным качествам, активной деятельности. «Человек рожден не для того, чтобы провести свою жизнь во сне, а для действия, — поучает один из богатых дельцов своих сыновей. — ...Все мудрые люди согласны с тем, что человеческая природа предназначена для деятельности, так что человек поистине мера всех вещей».

Так рождалось индивидуалистическое сознание, давшее мощный импульс формированию идеологии Возрождения.

Творцами новой картины мира, системы этических ценностей, которая представляла собой полное переосмысление феодально-католического мировоззрения, системы, которая легла в основу ренессансной философии, других наук, искусства, были гуманисты.

Традиционному для средневековья принижению человека они противопоставили убеждение, что он является высшей ценностью, находится в центре мира (отсюда и их название — от латин. слова *humanus* — человеческий). «Единственно ради человека был создан и устроен Богом мир», — пишет в середине XV в. известный гуманист Джаноццо Манетти в своем трактате «О превосходстве и достоинстве человека». «Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим,

благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим». Благодаря «выдающейся исключительной остроте человеческого разума» «...мир и его красоты, первоначально созданные всемогущим Богом, ...были сделаны ими [людьми] значительно более прекрасными и изящными и с гораздо большим вкусом». Итак, человек становится творцом, улучшающим и завершающим созданный Богом мир. Манетти восторгается тем, что человек овладел даром речи, создал письменность, орудия труда, науки, искусства, способен преобразовать природу. «...Человек, словно некий смертный Бог, рожден для двух вещей — для познания и действия, как лошадь для бега, бык для пахоты, собака для выслеживания», — заявляет гуманист¹³.

Знаменитый философ, теоретик искусства, архитектор, поэт, живописец, математик Леон Баттиста Альберти (1404—1472) утверждал, что человек «явился на свет не затем, чтобы уныло влачить свою жизнь в праздности, а для того, чтобы стремиться к славным и великим делам; этим он для себя [самого] достигнет как совершенной добродетели, так и плодов счастья». Именно такая цель жизни — достижение счастья — в противовес средневековому представлению о греховности всех естественных радостей человека и необходимости подавлять их — почиталась гуманистами как единственно достойная. Это убеждение основывалось на признании человеческой природы доброй и нравственной. Однако такое представление сложилось не сразу: подчас не только Петрарка (см. о нем отдельный очерк), но и Колюччо Салютати (1331—1406) был склонен писать об «испорченной природе Адама».

В XV в. идеалом становится человек всесторонне развитый, в котором гармонично сочетаются духовное и физическое совершенство. Он наделен так называемой вирту (итал.) — доблестью, добродетелью. Манетти разъясняет, что «мудрому человеку принадлежит [заслуга] выработки интеллектуальных и моральных добродетелей». Под вирту — термином, излюбленным гуманистами, подразумевают мощь интеллекта, высокую нравственность, неукротимый дух, готовность преодолеть все препятствия на своем жизненном пути.

Идеал прекрасного человека, наделенного умом, мужеством и чувством долга по отношению к обществу, равно как и радостное, чувственное восприятие жизни, составляли отличительные черты культуры древней Греции и Рима. Именно этим объясняется страстное увлечение

¹³ В тексте раздела использованы материалы следующих публикаций, писем и трактатов: *Балла Лоренцо*. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989; *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения*. Сборник текстов / Под ред. С. М. Стама. Саратов. 1984—1988. Ч. 1—2; *Ревякина Н. В.* Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV — первой половины XV в. Новосибирск, 1975; *Эстетика Ренессанса* / Сост. В. П. Шестаков. М., 1981 и др.

гуманистов античностью. Не случайно они назвали свое время «Возрождением»: речь шла о возрождении античной культуры (хотя на деле они, разумеется, не ограничивались этой задачей). Гуманисты не жалели сил и времени на неустанные розыски античных рукописей. Их находили в монастырях, где они хранились в полном пренебрежении. Так, Поджо Браччолини (1380—1459) рассказывает о своей поездке в один из швейцарских монастырей: «Там, среди большой массы книг... мы и нашли «Квинтилиана»¹⁴, цельного еще и невредимого, но покрытого плесенью и пылью. Эти книги действительно содержались в библиотеке... словно в печальной и темной тюрьме, а именно в глубине одной башни, в которую не бросали даже осужденных на смерть». Немало манускриптов было вывезено из Константинополя, над которым нависла опасность завоевания турками-османами (захват столицы Византии в 1453 г. означал падение империи)¹⁵. Показательно, что большинство творений греческих и римских философов, ученых, писателей, которые дошли до нашего времени, были возвращены человечеству в эпоху Ренессанса.

Гуманисты переводили на латынь греческие произведения, неустанно переписывали античные рукописи, что являлось до изобретения книгопечатания в середине XV в. единственным способом их размножения. Позднее сочинения древних авторов, как и труды самих гуманистов, стали доступны значительно более широким кругам населения.

С той же страстью гуманисты искали античные статуи, монеты и другие произведения античного искусства. Когда с этой целью отправились из Флоренции в Рим архитектор Брунеллески и его друг скульптор Донателло, они были поражены совершенством памятников античной архитектуры и неустанно выкапывали найденные под землей куски капителей, колонн, карнизов. «Из-за этого по Риму о них пошла молва, и когда они проходили по улицам, одетые в чем попало, их называли «искатели кладов», — рассказывает ренессансный историк искусства.

Любопытна история жизни Никколо Никколи, который подчинил весь ее уклад культу античности. Унаследовав от отца — купца значительное состояние, он тратил деньги на приобретение статуй и других «достойных вещей», а также древних рукописей. Этот гуманист прославился не трудами, а той атмосферой античности, которую он сумел воссоздать в своем доме. «Когда он бывал за столом, он пользовался прекраснейшими античными блюдами... Видеть его за столом, такого античного, было возвышенным удовольствием», — рассказывал его друг и биограф. К концу жизни (он умер

¹⁴ Квинтилиан (1 в. н. э.) — автор трактата «Наставления в ораторском искусстве», который и был обнаружен Браччолини.

¹⁵ См. часть первую.

1437 г.) Никколи разорился и вынужден был жить на пособие, которое ему давал синьор (неограниченный правитель) Флоренции. 800 томов древних рукописей, собранных им, послужили, согласно желанию Никколи, основой одной из первых в Европе публичных библиотек.

Но античность не просто представлялась Ренессансу образцом для подражания. Гуманистам был свойственен критический дух, который помог им переосмыслить наследие древней Греции и Рима. Они, в отличие от людей средневековья, осознавали, что их отделяет от античности историческое расстояние, и воспринимали ее как *иную* эпоху. Им предстоял огромный труд — очистить известные уже в средние века тексты от наслоившихся искажений. Леонардо Бруни (1374—1444), заново переведя с греческого «Политику» Аристотеля, ставил перед собой цель дать людям «увидеть Аристотеля не посредством темных иносказаний и бессмыслицы... ложных переводов, а лицом к лицу и прочитать его по латыни так, как он писал на греческом». Еще более усовершенствовал критический метод Лоренцо Балла (1407—1457). С необычайной смелостью (от застенков инквизиции его смог спасти только покровитель — неаполитанский король) он доказал, что так называемый Константинов дар¹⁶ являлся подложным документом. Балла выявил грубые исторические несообразности текста и «варварские обороты речи», показавшие, что «вздор этот сочинен не в век Константина, а в более поздний век».

Весьма выразительно оценивает подражание и оригинальность во второй Половине XV столетия поэт и философ Анджело Полициано. «Ты одобряешь, — пишет он в письме другу, — несколько я понял, только того, кто воспроизводит Цицерона. Мне же представляется более достойным уважения облик быка или льва, чем обезьяны, хотя последние и более схожи с человеком... Мне подражатели представляются подобными попугаям или сорокам; они постоянно повторяют то, чего не понимают. Тому, что они пишут, не хватает сил и жизни, не достает энергии, чувства, таланта, они спят, вытянувшись и похрапывая... Ты не выражаешь — скажет мне кто-нибудь, — Цицерона. Ну и что же? Я ведь не Цицерон. Себя-то, думаю, я выражаю».

Однако и христианская традиция средневековья во многом питала гуманизм. Именно средневековье впервые разорвало связи между телом и духом, ибо, согласно христианской догматике, человек состоит из двух противоположных начал — тела и высшего начала — духа¹⁷. Обращаясь к Богу, человек средневековья должен был углубиться в собственный душевный мир, заняться

¹⁶ Константинов дар был сфабрикован в VIII в. Согласно его тексту, Римский император Константин якобы передал папам весь Запад. С помощью этого документа папы обосновывали в средние века свои претензии на верховенство над светскими государями.

¹⁷ См. часть первую.

самоанализом, а без этого было невозможно в ренессансную эпоху выработать представление о самооценности индивида. Однако в эпоху Ренессанса то духовное начало, которым были пронизаны философия и искусство средневековья, преобразуется: из церковного оно становится светским. Место Бога занимает человек, но такой, какого не знало средневековье — достойный не только глубокого изучения, но и возвеличения. Целью человеческой жизни объявляется не спасение души, а творчество, познание себя и мира, служение обществу, а не Богу. Дуализм души и тела, как говорилось выше, постепенно сменяется гармонией между ними. В то же время герой Возрождения намного превосходит богатством и сложностью своих внутренних переживаний античного героя. И хотя гуманисты субъективно относились резко отрицательно к «темному», «варварскому» средневековью, в действительности оно сделало людей Возрождения духовно богаче. Гуманисты восприняли также, пусть неосознанно, достижения средневековой науки, искусства, поэзии.

Гуманисты решительно отвергали средневековую схоластику — бесплодные споры об отвлеченных предметах, абстрактные логические умопостроения, слепое поклонение перед авторитетами. Они обращаются к кругу тех наук, которые, по их убеждению, дают возможность достигнуть основной цели — сформировать нового человека, наделенного высокими достоинствами. Ведущее место среди этих наук занимает философия, особенно — этика. Ибо «поистине, — как пишет Альберти, — нет ничего прекраснее добродетели, ничего ...полезнее добра». Он называет моральную философию «доброй и святой наукой жизни».

Эмоциональное воздействие на душу человека оказывает литература, прежде всего поэзия. Немалое значение имеет Слово, то есть риторика — наука, помогающая овладеть искусством красноречия. Наконец, важную роль играет история. Любопытны доводы, с помощью которых обосновывает ее роль выдающийся гуманист Марсилио Фичино (1433—1499): «История необходима нам не только для услаждения, но и для того, чтобы понять моральный смысл жизни. Посредством изучения истории то, что само по себе смертно, становится бессмертным, то, что отсутствует... становится явным... Если семидесятилетний старец считается мудрым благодаря своему огромному опыту жизни, то как мудр, тот, чья жизнь охватывает тысячу или три тысячи лет! Действительно, можно сказать, что человек прожил столько тысячелетий, сколько он охватил посредством своего знания истории».

В представлении авторов гуманистических трактатов о педагогике образовательные цели должны сливаться с воспитательными. «Обучение следует строить... поощряя добрые нравы, злые же ослабляя или же вовсе

выкорчевывая», — говорится в одном из таких сочинений. Созиданию нового человека ренессансные творцы придавали очень большое значение, видя в этом единственный путь к совершенствованию общества, которое будет состоять из высоконравственных людей, — какой типично ренессансный мотив! В трудах гуманистов того времени впервые высказывается мысль о том, что детей не следует бить: «Мне кажется, — пишет один из них, — это делом злым, находящимся в противоречии с природой и способным сделать души рабскими».

Категории «*время*» и «*труд*» наполнялись в глазах гуманистов совершенно новым содержанием. Как мы видели, горожанин ценил фактор времени из-за своего стремления достичь материального успеха, разбогатеть. Для гуманиста же время было необходимо для его занятий. «Могу и осмеливаюсь утверждать следующее, — пишет Верджерио, — чем больше времени мы посвятим добрым наукам, тем более долгой будет наша жизнь». Альберти заявляет: «Кто умеет пользоваться временем, является господином всего, что он пожелает». Человеку принадлежат три вещи — душа, тело и время. «Это вещь драгоценнейшая! Она в большей мере принадлежит мне, чем эти руки и глаза...» И Альберти яростно обрушивается на тех, кто бесплодно растрчивает время. «Нет ничего, откуда так легко рождались бы бесчестие и бесславие, кроме праздности. Утроба праздных была всегда и пристанищем пороков! Нет ничего столь вредного и губительного для дел общественных и частных, как ленивые и бездеятельные граждане... Не сочту я живым... того, кто будет лежать, погруженный в праздность и бездеятельность... И этот же самый праздный, старясь в лени и бездействии, не принося никакой пользы себе, своим близким и родине, без сомнения будет цениться среди мужественных людей ниже, чем самый ничтожный пень». Именно праздность считает Альберти «источником и кузницей любого порока».

Следовательно, труд, рассматривавшийся в средние века как кара за первородный грех, возложенная богом на Адама и Еву, а также их потомков, отныне становится важнейшим средством обрести желаемое, добиться совершенства, «стать чем-то большим, чем мы являемся». Альберти неоднократно возвращается к этой мысли. «И мы, подобно судну, которому следует не гнить в гавани, а бороздить море, — мы стремимся с помощью труда достигнуть похвальной и славной цели». Гуманист имеет в виду труд созидательный. Активная деятельность во благо себе самому и обществу — такова, по его мнению, жизненная цель. «Заранее зная, что мы смертны и что на нас могут обрушиться любые бедствия, мы тем не менее должны делать то, что так высоко ценили мудрецы: трудиться, чтобы прошлое и настоящее принесли пользу временам еще не наступившим».

Многие гуманисты считали полезным для общества

не только творческий труд, хотя, разумеется, ценили его неизмеримо больше иного рода трудовой деятельности. «Если приобретение богатства и не так славно, как другие, более высокие занятия, не заслуживает, однако, презрения тот, кто, будучи от природы малоспособен к этим величественным занятиям, берется за дело, к которому сознает себя более пригодным и которое всеми признается полезнейшим для общественного и семейного блага» (Альберти).

Такие воззрения непосредственно связаны с категоричным, теоретически обоснованным отрицанием средневековой сословной структуры общества. Начиная с Петрарки, одним из лейтмотивов гуманистической идеологии становится представление о том, что *благородство* проистекает не из принадлежности к знатному роду, а из собственного морального совершенства человека (в то время как попопаны связывали его с богатством). Этому посвящена в XV в. «Книга о благородстве» Поджо Браччолини. «Благородство порождается добродетелью» — таков его основной тезис. «Как же может случиться, что станет каким-либо образом благородным тот, кто расслаблен бездельем, не стремится ни к какому честному занятию, не наделен никакой добродетелью, никакой мудростью, никаким знанием, но полагается на предков и происхождение? Право же, я считаю такого презреннейшим ослом». Доводы, которые приводит Браччолини в пользу того, что древность рода не является признаком благородства, вполне в духе его времени: «Ведь если бы благородство приобреталось давностью, то все сделали бы равно благородными, так как происхождение каждого измеряется одинаковым расстоянием от истекших веков, и нет никого, чьи предки не могли бы насчитывать 1000 лет». Славу и благородство можно стяжать только собственными заслугами, а не чужими. Например, их заслуживают те, кто своими писаниями или примером ведет войну с пороками, совершенствует человеческую жизнь. «Благородство — словно некое сияние, исходящее от добродетели и озаряющее ее обладателей, какого бы происхождения они ни были». Если же последняя отсутствует, то «род, родина, предки... словно вывески кабачков, указывающие, где продаются вина, и ничего не добавляющие к их сладости», — говорит Браччолини.

Пожалуй, еще убедительнее свидетельствует о настроениях среды, близкой к гуманистам, широкий успех вполне заурядного, подражательного произведения — «Трактата о благородстве» Монтеманьо, дважды переведенного с латыни на общедоступный итальянский язык: «Благородство человека заключается... в нашей собственной добродетели души... Когда человек... славится справедливостью, благочестием, великодушием, умеренностью и благоразумием, когда почитает бессмертных богов, заботится о родителях, друзьях и

родственников, о государстве, когда взращен он на священных занятиях наукой, тогда, несомненно, он считается по сравнению с остальными благородным, знатным, знаменитым и славным... Каждому она [природа] дает равную душу и не обращает внимание ни на власть, ни на богатства. Нет такого бедного, ничтожного или презренного [человека], кто от рождения не имел бы душу, равную с душами королей и императоров, кто не смог бы украсить ее блеском добродетели, а значит, и славой благородства».

Столь часто упоминаемое благородство сливается в представлении гуманистов с *достоинством* человека — не случайно этот термин звучит в названии знаменитого (цитировавшегося выше) сочинения Манетти, полемически заостренного против трактата папы Иннокентия III «О презрении к миру, или о ничтожестве человека» (конец XII в.). Манетти называет человека «смертным Богом», «скорее божественным, чем человеческим существом», и стремится убедить читателя в его совершенстве и безграничных возможностях. Другие гуманисты делают акцент на его моральных качествах, которые, как и заложенные изначально природой способности, необходимо развивать с помощью образования. В любом случае речь идет о высоком предназначении человека.

С этими мотивами естественно переплетается еще один — восхваление величия его *разума*. Незадолго до смерти Альберти пишет: «В человеческую душу природа заложила некие искры, способные осветить ум лучами разума. Ты не найдешь никого, кому не доставляло бы удовольствие прекрасное, кто не испытывал бы страстного тяготения к добру». Именно благодаря разуму возвышается человек над прочими смертными созданиями, ибо разум делает его сопричастным не только земному, но и небесному. Науки, искусства, нравственность — таковы плоды разума; обладая им, человек уподобляется богу. Альберти призывает людей дерзать, отваживаться на многое. «Человек рожден, чтобы... познать истинную первопричину вещей». Тогда разум даст ему возможность быть свободным в рамках законов природы. В то же время разум порождает в человеке чувство ответственности перед собой и перед обществом.

Ренессансным мыслителям предстояло решить жизненно важную проблему о роли фортуны в жизни людей. В полном соответствии со своей общей концепцией гуманисты занимают и в этом вопросе активную позицию. Человек — творец своей судьбы; если же она к нему неблагоприятна, следует оказывать ей сопротивление. Наиболее четко выражена эта мысль в этике Альберти, особенно в снискавшем в его время большую популярность трактате «О семье»: «Я вижу, что многие, попадая по собственной глупости в неблагоприятные обстоятельства, жалуется на судьбу и приписывают свои невзгоды колебаниям ее волнующихся' вод, в которые сами по

недомыслию бросились». Говоря о способности человека противостоять ей, Альберти ссылается на бывшее величие римлян и заключает: «Можно ли сказать, что это являлось даром фортуны? Можем ли мы признать, что обязаны фортуне тем, что обретено [нами] благодаря нашей доблести?» Именно смелые деяния, тяжкий и напряженный труд, вера и усердие дают возможность либо помимо фортуны упрочить свое положение, либо по ее воле достичь еще большей славы. «Как мы можем утверждать, что двуличная и непостоянная фортуна способна разрушить или уничтожить то, что мы хотим окружить нашей заботой и подчинить нашему разуму?...» Если человек заслуживает благодаря уму, здравому смыслу и другим личным качествам похвалы в обычных обстоятельствах, насколько же похвальнее снискать славу тому, к кому судьба относится враждебно. «По этой причине побеждайте фортуна терпением, побеждайте несправедливость людей добродетелью, разумно и мудро применяйтесь к обстоятельствам и временам...», — призывает Альберти. «В гражданских делах и в человеческой жизни разум, несомненно, могущественнее фортуны, мудрость — случайности». В короткой аллегории «Рок и Фортуна» Альберти уподобляет жизнь реке, по которой одни люди плывут на кораблях, другие — держась за мехи, доски или вплавь. «Лучше приходится тем, — заключает он, — кто с самого начала, опираясь на собственные силы, вплавь преодолевает этот свой жизненный путь», особенно, если они держатся за мехи (под ними подразумеваются «полезные искусства»). В эту эпоху радикально меняется сама концепция истории. Средневековым богословам она представлялась ареной борьбы бога и дьявола за душу человека, который играет в этом противоборстве пассивную роль. В глазах гуманистов человек становится движущей силой истории. Первым, кто написал труд, основанный на новых принципах, был Леонардо Бруни. В своей «Истории флорентийского народа» Бруни, в отличие от авторов средневековых хроник, пытается выявить внутренние связи между событиями, обрисовать характеры людей, показать мотивы и побуждения, лежащие в основе их деятельности. Начав с древнеримской республики, он успел дойти только до 1402 г. Его исторический труд получил такую широкую известность, что во время пышных похорон Бруни на грудь ему положили эту книгу; с ней он изваян и на своем надгробии.

Флоренция позднее других городов-государств, лишь с 30-х годов XV в., перерождается в синьорию¹⁸, во главе которой стояли Медичи. Но ранее — с конца XIV — начала XV в., в значительной мере благодаря атмосфере, еще царившей в этом городе, здесь складывается особое направление — так называемый гражданский гуманизм.

¹⁸ Синьория, или тиранья — город-государство в Северной и Средней Италии, возглавлявшееся единоличным правителем.

Если Петрарку больше всего волновало самопознание, то теперь гуманисты обращаются к вопросу о месте человека в обществе, более того — о его долге перед обществом. «Каждый человек создан для других людей, так что в этом брэнном мире природа установила, чтобы... считалось бы бесчеловечным не приносить пользы, если человек в состоянии это сделать», — писал Колюччо Салютати. В одном из посланий другу он сравнивает человека, который не будет помогать ближнему и заботиться о его спасении, не испытает страданий из-за смерти родственников или разорения родины, с «бесполезным бревном, каменным утесом, твердейшей скалой». Не случайно Салютати 31 год — до своей смерти в 1406 г. — занимал высокий пост канцлера Флорентийской республики; и он не кривит душой, когда пишет, что, занимая эту должность, «очень часто я имел возможность противостоять козням злых и покровительствовать честнейшим стремлениям лучших граждан». Более того, своей страстной защитой родного города от его смертельного врага — миланского синьора немало содействовал благу своего государства.

Позднее эту должность занимал ученик Салютати Леонардо Бруни, развивавший ту же идею: призвание людей — действовать во славу государства. Лишь в обществе человек может реализовать свои способности и достичь совершенства. «Уединение и уход из общества подобает лишь тем низким духом людям, которые неспособны ни к какой деятельности». Бруни придает этике основополагающее значение в установлении гармоничных отношений между членами общества. Он вновь и вновь повторяет: «Если ...прекрасно добиться счастья для одного человека, насколько славнее будет стремление к блаженству всего государства». Не менее активна гражданская позиция связанного с Бруни дружбой Маттео Пальмиери, который занимал множество политических постов. В своем диалоге «О гражданской жизни» он пишет: «Среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и достойным является то, которое совершается ради усиления и блага родины и ради наилучшего положения хорошо устроенного государства». И он, прибегнув к излюбленному приему гуманистов, приводит для пущей убедительности почерпнутые в античной истории примеры знаменитых людей, выносивших «трудности, заботы, лишения, опасности, раны», принимавших «жесточайшую смерть» во благо Римского государства.

Коренным образом меняется и отношение к семье. В предшествовавшую эпоху церковь по необходимости — ради продления человеческого рода — терпела брак. Однако идеалом считался аскетический образ жизни, включавший и безбрачие. Салютати и последующие гуманисты решительно утверждают, что семья необходима и для самого человека, ибо таким образом он «не встречает

одиноким бесчисленные опасности, болезни и, наконец, старость», и для родины, поскольку «одиноким человек не оставляет после себя ее защитника», как пишет Салютати. «Если бы люди отказались от брака, — утверждает он, — в мире воцарилась бы пустыня».

Как мы видим, оценка семьи как основной ячейки общества связана не только с гражданским характером этого направления гуманизма, но и с общим изменением восприятия жизни, ее эмоциональной стороны. Теперь на первый план в ней выдвигается любовь к детям, а равно и супружеская любовь. «Только эта любовь естественна, законна и позволена», — заявляет Бруни. Манетти пишет о взаимном влечении двух полов, которым бог назначил радоваться этому союзу, с тем, чтобы они могли «продолжить род и умножить потомство». Но все же — радоваться!

Альберти в своем сочинении «О семье» останавливается на взаимоотношениях главы семьи с женой¹⁹. По его мнению, жены должны умело вести хозяйство, избегая в повседневном быту ненужной роскоши, а мужа — управлять ими, но с помощью любви и доброты. Он останавливается на том, каким образом оградить семью от возможных грядущих опасностей и обеспечить ее будущее.

Гуманистов волнует и проблема богатства. По убеждению Бруни, большое состояние приносит его владельцу пользу: оно открывает доступ к должностям, способствует обретению личного блага. Более того, только богатые люди могут быть щедрыми; кто-то из них даже проявит величие духа и «ради пользы других людей воздвигнет театр, или устроит великие игры, или бой гладиаторов, или всеобщее пиршество». Пальмиери также стремится обосновать полезность большого состояния с точки зрения нравственности: «Богатство и обильное имущество являются орудиями, с помощью которых влиятельные люди действуют добродетельно; те же, добродетелям которых мешает небольшое и бедное состояние, нелегко выдвигаются... Не может быть ни милостивым, ни щедрым тот, кто не имеет средств на расходы». Тем самым проблема богатства обретает и социальное звучание. Но этим его функции не ограничиваются. В диалоге Браччолини «Об алчности» один из собеседников заявляет: «Представь себе, в какой беспорядок пришло бы все, если бы каждый стремился обеспечить себя только необходимым... Города утратили бы все свое величие, всю свою красоту, не возводились бы храмы и колоннады, исчезли бы искусства... Для государства деньги необходимы как жизненный нерв». Естественно возникает вопрос о том, каким путем эти деньги приобретаются. «Заслуживает посрамления тот, кто ради увеличения собственного имущества наносит вред

¹⁹ См. часть первую.

другим. Те же, кто, не вредя никому, увеличивает свое достояние честными средствами, заслуживает похвалы», — говорится в этом трактате.

Эта мысль характерна для многих гуманистов XV столетия. Итак, богатство получает идейное оправдание, если в процессе обогащения не были преступлены рамки морали, а иногда в его оправдании звучит и гражданский мотив: принимаются во внимание и интересы общества. И то, и другое четко отличает гуманистическую концепцию богатства от жизненной практики попопанов.

Наряду с гражданским гуманизмом немалую роль в его истории сыграло и другое направление первой половины XV в., которое было выражено в учении Лоренцо Баллы. В его трактате «Об истинном и ложном благе» рассуждения одного из собеседников — эпикурейца²⁰ содержат восторженный гимн наслаждению, которое сама природа создала во благо людям: «Природа сделала доступными для тебя наслаждения и одновременно дала и сформировала душу, склонную к ним». И он перечисляет сотворенные ради людей небо, «украшенное днем и ночью светилами», моря, земли, воздух, горы, реки, озера, домашних и диких животных, птиц, рыб. Все это «может быть только свято и достойно похвалы». «Ничего не найдешь устроенного... без высшей разумности, красоты, пользы... Свидетельством тому может быть хотя бы само строение нашего тела». От самих людей зависит, умеют ли они достаточно полно пользоваться благами тела: здоровьем, красотой, силой, ловкостью.

Эпикуреец воспеваает красоту тела мужчин и женщин, те многочисленные и разнообразные ощущения, которые даруют человеку зрение, слух, обоняние, вкус. «О, если бы у человека было не пять, а пятьдесят или пятьсот чувств!» — восклицает он. Это — подлинный гимн чувственной природе человека, Возвеличивается физическая любовь, без которой прекратился бы род человеческий. Однако не существует непроходимой грани между телом и духом, поэтому целью человеческой жизни являются как чувственные, так и духовные наслаждения — «удовольствия души и тела». Добродетели являются лишь служанками наслаждения, т. к. сводятся к умению овладевать земными благами.

Позиция эпикурейца не означала эгоистического противопоставления себя обществу: одно из условий блага — «быть любимым всеми, что является источником всех наслаждений. Жить окруженным ненавистью подобно смерти». И далее он заявляет: «...не может быть свойственно [человеку], если не глубоко несчастному или привыкшему к злодеяниям, чтобы он не радовался благу другого человека, и более того, чтобы сам не был причиной

²⁰ Эпикурейцы — последователи греческого философа Эпикура, учившего, что главной целью жизни является счастье, но под счастьем он понимал отсутствие страданий души и тела.

радости того, например, в случае спасения кого-то от нужды, пожара, кораблекрушения, плена. Таким образом... надо приучить себя к тому, чтобы уметь радоваться пользе [других] и надо всеми силами постараться, чтобы они нас полюбили... Если мы пренебрежем этим, то наша жизнь никогда не будет радостной».

Необходимо иметь в виду, что точка зрения автора шире, чем взгляды эпикурейца, хотя и получившие наиболее яркое выражение в диалоге: она обогащена воззрениями других участников диалога. Христианин говорит, что земные наслаждения представляют собой ступень к небесному. Но при этом, далеко отклоняясь от средневековых представлений о рае, он изображает райское блаженство как принявшую более возвышенную форму вечную чувственную радость, которую испытывают не только души, но и тела, воскресшие вместе с душами и ставшие совершеннее. Наконец, стоик²¹ тоже вносит свою лепту: высказанная им мысль, что человек достигает добродетели только благодаря собственным усилиям, созвучна гуманизму. Так рождается новое учение, в котором сливаются эпикурейская философия, христианство и стоицизм, претерпевшие, однако, значительную трансформацию. В этом учении Балла сумел наиболее полно выразить страстное стремление к радостям бытия, непосредственное чувственное восприятие мира, свойственное людям того времени.

С 60-х — 70-х годов XV в. итальянский гуманизм, и прежде всего флорентийский, вступают в новую стадию развития. По мере перерождения свободной коммуны в синьорию все отчетливее обнаруживается беспочвенность идей служения обществу. Однако перед ренессансной философией встают новые, более широкие проблемы, которые еще не могли ставить гуманисты предшествовавших поколений. Речь идет о месте человека в космосе.

Предельное возвеличение человека выразил один из самых блестящих гуманистов этого столетия — Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494). Он был человеком необыкновенных способностей и учености (так, например, он изучил около 20 языков). Несмотря на то что Пико умер в возрасте 31 года, он оставил неизгладимый след в истории гуманистической мысли. Его философия представляла собой органический сплав античной (в первую очередь — платоновской), христианской и восточной (древней и средневековой). «Я ознакомился со всеми учителями философии, исследовал все книги и изучил все школы», — пишет он о себе и приходит к смелому выводу, что знания и мудрость, накопленные человечеством, проявляются в разные эпохи в различных

²¹ Стоицизм — греческое, затем римское философское учение, согласно которому человек должен с помощью присущей ему добродетели терпеливо переносить все выпавшие на его долю беды.

формах; в целом же они составляют непрерывную цепь в развитии человеческого интеллекта. Истина едина, и Пико надеялся с помощью своего учения, объединившего множество философских школ, привести всех людей, хотя они и исповедуют разные религии и придерживаются различных учений, к «философскому миру». Если люди смогут осознать с помощью знания это единство истины и, благодаря моральной философии, обуздать «дикие порывы и гневный пыл льва», наступит вечный мир и единение всех людей, — в то время как теперь «дома у нас идет междоусобная распря и гражданская война».

В «Речи о достоинстве человека» он обосновывает свою главную идею: человек, вырастая до космических масштабов, уподобляется Богу. Создав мир, Бог сотворил человека и, «поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы отсюда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь». Итак, человек полностью выпадает из иерархии мироздания. Его величие заключается не в том, что он занимает высокое, но твердо установленное ему Творцом место в этой иерархии, а в том, что он сам выбирает себе место. У него нет и определенной формы. «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные... О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!.. В рождающихся людей Отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные, — будет растением, чувственные, — станет животным, рациональные, — станет ангелом и сыном Бога».

Слова Пико делла Мирандола как бы подводят итог всего предыдущего развития гуманизма. Человеку предоставлена полная свобода для того, чтобы он мог творить себя. Большую роль в этой философии играет тезис о том, что человек, владея разумом, способен познать и окружающий его мир, и самого себя. «Знаменитое «познай себя» побуждает и вдохновляет нас на познание всей природы, с которой человек связан почти брачными узами», — пишет Пико.

Итак, главное содержание философии Пико делла Мирандола — гимн человеку, его поистине безграничной

способности познания, свободного созидания самого себя, своей судьбы, и идея сплочения всего рода людского. Этим завершается история гуманизма XV столетия.

Непростым и неоднозначным является вопрос об отношении гуманистов к религии. Сами они считали себя христианами; среди них имелись и лица, принявшие духовный сан. Однако их христианство радикальным образом отличалось от ортодоксального средневекового. Само мировосприятие, система этических ценностей, как мы видели, были прямо противоположными традиционным. Высокое представление о человеке превращает его в центральное действующее лицо исторического процесса. Соответственно средневековые добродетели заменяются новыми.

Гуманисты резко критикуют пороки церкви, клириков и монахов. В трактате «Против лицемеров» Браччолини (как и до него — Бруни) яростно обрушивается на монахов: «Никакое богатство не может их удовлетворить. Постоянно они чего-то требуют, постоянно чего-то домогаются». Эти «двуногие ослы с грязной душой стали постоянно околачиваться при папском дворе», где они «требуют должностей, льгот, знаков благосклонности, привилегий...» Они — язва общества, «цель их совершенно ясна — это подлость, плутовство, ложь, коварство». Но, в отличие от средневековых обличений, гуманисты считают нужным не исправление монахов, а ликвидацию самого института монашества как противоречащего человеческой природе.

Создатели новой идеологии, начиная с первых гуманистов, сочетали христианство с античными философскими школами. «Двух славлю богов: Христа и античность», — заявил один из них. Постепенно число этих учений умножается, добавляются и восточные культы. «Всеобщая религия» Пико и его единомышленников включала в себя все религии, все философские учения.

Удивительного расцвета достигло в это время искусство, которое никогда не играло такой важной роли в жизни общества. Впервые столь большое значение приобрела живопись, преимущественно монументальная — фрески на стенах церквей, публичных зданий, иногда дворцов. Все эти здания, построенные в новом архитектурном стиле, определяли облик города. Художники неизменно давали гуманистическое истолкование фрескам и картинам, написанным в своем большинстве на ветхозаветные и евангельские темы, меньше — на сюжеты, почерпнутые из античной мифологии и лишь иногда — на современные темы. Главным объектом живописи и скульптуры являлся человек, в котором сочетались его высокая духовность, интеллект, доблесть. В облике Христа, мадонны, святых, языческих богов перед зрителем предстал идеальный человек этого времени. Художники изображали

многокрасочный мир и, на переднем плане, человека. Важнейшим качеством живописи считалось «умение видеть» (Леонардо да Винчи). Однако живопись имела как бы два плана — реальный и идеальный; таким представлялся мир создателям произведений искусства, а также тем, кто восхищался этими произведениями. Точно так же и портрет, который выделился в самостоятельный жанр лишь в XV в., передавал сходство с оригиналом, изображал реального персонажа, узнаваемого зрителем, и в то же время этот персонаж представал перед ним героизированным.

Особое значение искусства заключалось в том, что оно эстетически воздействовало на зрителя, помогая ему выработать новый взгляд на мир, познать его. Искусство являлось сферой, наиболее близкой всему населению итальянского города, его образы были созвучны умонастроению горожан, как бы вторгались в его повседневную жизнь. «Кто может отрицать, что живопись присвоила себе самое почетное место во всех областях — общественных и частных, светских и духовных?» — писал Альберти.

Новая роль искусства определила и почетное место, которое занимали живописцы, ваятели и зодчие. Они были окружены вниманием, меценаты и городские власти пытались переманить их к себе. Сами мастера отчетливо сознавали свою важную миссию; круг их гуманистических интересов был весьма широк. По этой причине, как заметил историк искусства (XVI в.), в мастерской художника не только работали, но и вели «прекраснейшие речи и важнейшие диспуты».

Новые идеи быстро распространились в конце XIV— XV вв. вширь. Гуманистические кружки сформировались, кроме Флоренции, в Риме, Неаполе, Венеции, Милане и других городах Италии. Многообразные направления и группы, заметно отличавшиеся в своих философских и политических концепциях, творили единую культуру.

В полном соответствии с идеями авторов педагогических сочинений в Италии создаются школы нового типа. Широкой известностью пользовалась мантуанская школа Витторино да Фельтре «Дом радости». Она находилась в здании, построенном в античном стиле, окруженном рощами, озерами и лужайками, где ученики занимались физическими упражнениями: фехтованием, верховой ездой, борьбой, игрой в мяч. Что же касается наук, то, по словам одного из современников, Витторино «упражнял каждого в том или ином искусстве, к которому, как ему казалось, тот был склонен от природы». Телесные наказания не применялись.

Успех гуманистических школ, несмотря на их малочисленность, был значительным. В них приезжали ученики из других городов, а иногда и других стран.

Подчас там обучались сыновья правителей итальянских мелких государств. Конечно, большинство гуманистов не кончало этих школ, а окончившие далеко не всегда становились гуманистами, однако это не умаляет их роли в истории культуры.

Гуманисты происходили из разных социальных кругов; среди них были богатые купцы или их сыновья, представители знатных родов, нотариусы, аптекари и пр. Некоторые заняли благодаря своим личным качествам и прославленной учености высокое положение в обществе. Они различались по своим занятиям: это были руководители школ и профессора университетов, переписчики книг, богословы и секретари папской курии, канцлеры республики и др. Таким образом, они еще не стали единой прослойкой, представители которой превратили бы умственный труд гуманистического толка в свою профессию, являющуюся единственным источником их доходов. Такая прослойка — интеллигенция находилась еще в стадии формирования.

Главным содержанием своей жизни гуманисты считали изучение античной культуры и собственное творчество. Во время эпидемии чумы Верджеро сообщает в письме отцу: «Я... ревностно предаюсь своим занятиям, чтобы, если наступит смерть, которую каждый должен считать близкой в это гибельное время, не оказалось бы, что я прожил праздную и бесполезную жизнь». Ибо этим людям свойственно острое сознание собственной значимости в силу принадлежности к ренессансной культуре, именно себя и своих друзей они считают лучшими представителями человеческого рода. «Я один из тех, которые, красноречиво прославляя славные дела людей, делают бессмертными тех, кто по природе смертен», — гордо заявляет один из гуманистов. Другой благодарит Фичино за то, что тот назвал его Гераклом, укротившим чудовищ (т. е. очистившим античные тексты от искажений). Он же пишет другу, что не проходит часа, когда бы он не восторгался его разумом, сочинениями, учеными занятиями. Они называют друг друга в посланиях «божественными» (понимая под этим наибольшую степень совершенства), «мудрейшими», героями. Не менее высокого мнения они о себе самих. Их самовосхваление нередко откровенно и наивно: «Если Вергилий превосходит меня стихами, то я — лучший оратор», — заявляет Филельфо.

Разумеется, подобная гиперболизация в известной мере — риторический прием, но даже само наличие такого стиля, характер обращения свидетельствуют об их высоком представлении о себе. К примеру, Салютати протестует против того, что друг называет его «во множественном числе» (на «Вы»): «Ну а если ты не знаешь, что я — один, то напоминаю тебе об этом: я — не толпа, не народ, не другое множество, так что если ты желаешь разговаривать со мною правильно, то необходимо, чтобы ты употреблял в

разговоре единственное, а не множественное число».

Гуманисты осознают ту важную функцию, которую они выполняют в обществе. Они — носители новой культуры, благодаря которой Италия, по их глубокому убеждению, вышла из тьмы варварского средневековья. Маттео Пальмиери пишет: литература и свободные искусства «более чем на восемьсот лет были забыты в мире до такой степени, что не нашлось никого, кто бы знал их по-настоящему... так что все то, что нашли за это время написанным на бумаге или выбитым на мраморе, можно заслуженно назвать грубым невежеством... Всякий, одаренный умом, пусть благодарит Бога за то, что он рожден в такие времена, когда сильнее процветают замечательные интеллектуальные искусства, чем за прошедшее тысячелетие». «Хвала нашему веку, который является золотым благодаря золотым дарованиям», — восклицает Фичино. Так мифологизируют они свое время, — точно так же, как и самих себя. Всех остальных — тех, кто не способен воспринять и оценить античную и ренессансную ученость, к какому бы слою населения они не принадлежали, гуманисты считали «чернью», «толпой», «плебсом». Таким образом, этим уничижительным словом они называют не только низы народа, но и людей средних и богатых, незнатных и принадлежащих к старинному роду, — всех, кто сохранил патриархальные жизненные устои и традиционный тип мышления, — а таковые составляли большинство.

Однако нельзя и преуменьшать влияния гуманистических идей на лиц, приобщившихся к ренессансной образованности, — начиная с некоторых синьоров и кончая пополанами, порой небогатыми. Приведем два примера. Колюччо Салютати на посту канцлера Флоренции (см. выше) неоднократно выступал против миланского тирана Джан Галеаццо Висконти. Он обладал таким красноречием, замечал один гуманист, живший позднее, что «Галеаццо, миланский государь, который на памяти наших отцов начал тягчайшую войну против флорентийцев, неоднократно говаривал, что послания Колюччо причиняют ему больше вреда, нежели тысяча флорентийских всадников».

Сила слова, ума и таланта, увлеченности гуманистической культурой нашла свое яркое выражение в следующем эпизоде, описанном одним из современников (может быть, с некоторыми преувеличениями). Тиран небольшого государства Римини Сиджимондо Малатеста, отличавшийся особой жестокостью и вероломством и вместе с тем бывший тонким знатоком и ценителем учености и искусства, был послан неаполитанским королем Альфонсом в качестве кондотьера (наемного командира военного отряда) против Флоренции. Отправленный правительством навстречу ему для переговоров Джаноццо Манетти вступил с ним в беседу о научных и литературных сюжетах. Малатеста был настолько восхищен гуманистом,

что повернул свое войско обратно, не выполнив военные планы короля.

Гуманисты чувствуют настоятельную потребность в постоянном общении: если они живут в одном городе, они регулярно встречаются — в своих домах и загородных виллах, на улице или в церкви (именно по этой причине Альберти назвал главный собор во Флоренции — св. Марии Цветочной «приютом наслаждений»). Разделенные расстоянием, они часто обмениваются письмами. Эти письма, тщательно продуманные и полные изысканных риторических оборотов, насыщенные цитатами из античных и, реже, христианских авторов, содержат мало сведений личного характера: в основном гуманисты рассуждают о вопросах этических, эстетических и т. п. Такие послания были рассчитаны не столько на адресата, сколько на возможно более широкий круг современников, а желательно — и на грядущие поколения: они страстно стремились к славе, к тому, чтобы их имя сохранилось в веках. «Я родился не только для живущих, но и для потомства», — заявил один из них. Поэтому авторы тщательно редактировали свои письма, а нередко переписывали во многих экземплярах.

Впрочем, письма не всегда были дружескими. Гуманисты нередко враждовали между собой и направляли противникам инвективы — обличительные послания, в которых столь же эмоционально — вполне в духе своего времени — осыпали друг друга яростными оскорблениями, так же не зная в этом меры, как и во взаимных восхвалениях. Леонардо Бруни написал инвективу против Никколо Никколи, с которым его ранее связывала длительная дружба. Поджо Браччолини на протяжении многих лет составлял безжалостные инвективы против Лоренцо Баллы и некоторых других гуманистов. Инвектива стала особым жанром, также характерным для той эпохи.

XIV и XV столетия изобиловали драматическими коллизиями, но эти коллизии лишь изредка находили отражение в произведениях ренессансных деятелей. Их собственная жизнь тоже не была, конечно, лишена теневых, а порой и трагических сторон. Однако им, как правило, была свойственна счастливая способность не замечать дисгармонии между реальным миром и тем уравновешенным, безмятежным, прекрасным миром, который порождало их воображение. Они создавали в своем творчестве модель идеального человека и старались следовать подобному образцу в своей жизненной практике (удавалось ли им это — другой вопрос), во всяком случае — при описании своей жизни в письмах. То обстоятельство, что они творили свой собственный образ, тоже являлось одним из способов утвердить себя в обществе в качестве носителей новой культуры, благодаря которой, по их глубокому убеждению, Италия — и пока лишь она одна — вышла из тьмы варварского средневековья.

Разумеется, глубокое убеждение гуманистов, что с помощью просвещения и все более широкого приобщения людей к новой культуре общество достигнет полной гармонии, было беспочвенным. Очень редко и лишь отдельными гуманистами овладевало в XV в. предчувствие близящегося крушения их идеалов. Это относится прежде всего к Альберти, в творчестве которого порой звучат трагические ноты. Мир изображается как скопище глупцов, жизнь теряет всякий смысл. «О мы ...испытывающие тягостные несчастья смертные... которые никогда не могут избавиться от бед и мучений... так что каждому приходится жить в вечной скорби...» «Человек — самый слабый из всех живых существ на земле... почти тень сна...», — подчас вырывается у него. Эта горечь сомнения, звучащая в некоторых трудах Альберти, парадоксально сочетается с оптимистическим звучанием других произведений.

Ренессансные деятели в Италии созидали основы культуры, которая могла существовать лишь на протяжении сравнительно короткого времени, пока были налицо столь счастливо сложившиеся обстоятельства. Кризис гуманизма с конца XV в. обнаружил всю утопичность созданного его творцами мифа. Золотой век закончился. Гуманизм исчерпал себя, т. к. обожествление человека делает его как бы надличностным, мешает формированию определенной индивидуальности, наделенной комплексом конкретных качеств, отличающейся своей неповторимостью, которая в это время только начала складываться.

Возрождение длилось еще целое столетие — и в искусстве, и в философии: ренессансная мысль устремилась в новые сферы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов / Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1984—1988. Ч. I—II.

Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV — первой половины XV века / Сост. Н. В. Ревякина. Новосибирск, 1975.

Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. XV век / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 1985.

Эстетика Ренессанса / Сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 1.

Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979.

Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков. М., 1977.

Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977. Гл. 2.

Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977.

РАЗДЕЛ IV
«ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА», БОРЕЦ ЗА «ПРАВДУ
БОЖЬЮ» И «БОЖЬИ ВОИНЫ»:
ЧЕХИЯ В ПРЕДДВЕРИИ И В ЭПОХУ
ГУСИЗМА (XIV—XV вв.)

РАСЦВЕТ ЧЕШСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. КАРЛ
IV

В XIV в. Чешское королевство становится одним из крупнейших политических и культурных центров в Европе. Это было результатом государственной деятельности Карла IV — чешского короля и императора Священной Римской империи (1346—1378). За его заслуги современники называли его «Отцом Отечества». Его политика была направлена на превращение Чехии в центральное звено Империи, причем сохранявшая свою фактическую независимость Чехия оказывалась не только в равном положении с остальными землями Империи, но получала статус «благороднейшей части» этого рыхлого политического образования. Права Чешского королевства Карл IV закрепил в специальном императорском декрете — Золотой булле 1356 г. В ней подтверждались старые права Чехии, признавался свободный выбор короля, который должен был занимать первое место среди курфюрстов Империи — феодальных монархов отдельных ее земель, которые выбирали императора. Документ подтверждал полную политико-правовую самостоятельность Чехии внутри Империи. На Чехию не распространялись имперские налоги, ее король по отношению к императору был обязан лишь символически выполнять роль виночерпия во время особо торжественных церемоний, что должно было указывать на исключительное положение императора по отношению ко всем другим королям. С другой стороны, Чехия оказалась вовлеченной в политическую, идеологическую, культурную и экономическую жизнь Империи. Тем самым Чехия из провинциального королевства превратилась в средоточие общеевропейских процессов. Особенно интенсивными стали религиозные и культурные связи с остальной Западной Европой. Вторая половина XIV в. для Чехии стала временем наивысшего расцвета государства и культуры, периодом, когда она оказывала интенсивное влияние на окружающий ее мир, важной частью которого она себя ощущала.

С превращением Чехии в центр Священной Римской